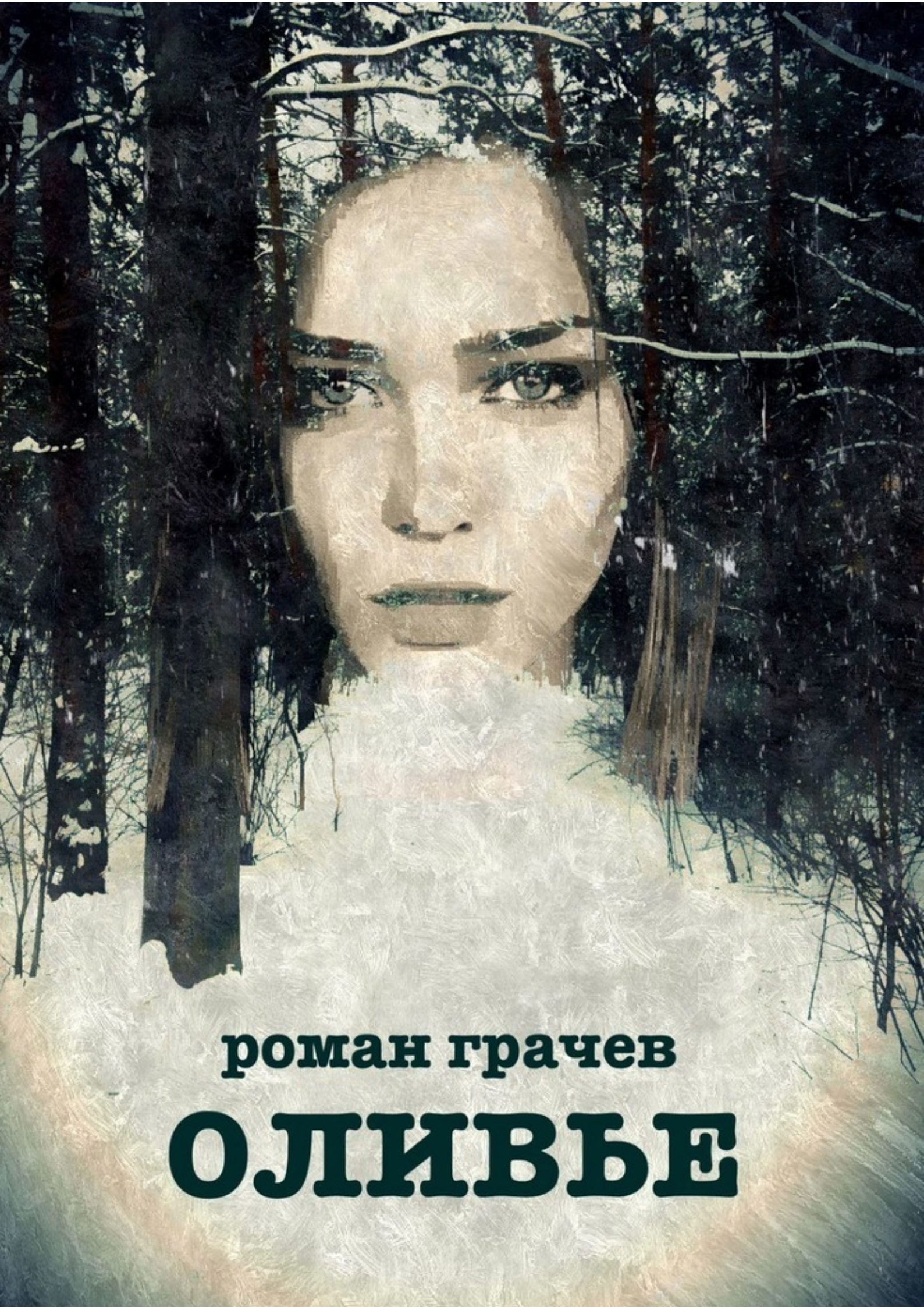

роман грачев

ОЛИВЪЕ

Роман Грачев

Оливье

«Издательские решения»

Грачев Р.

Оливье / Р. Грачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965654-4

Жизнь — это мелко покрошенный салат, который нужно загребать большой ложкой. Одна порция, добавки не будет. Так говорит Весельчак... Вечер тридцать первого декабря. Междугородный автобус, вышедший в последний рейс, застревает в снегу на заброшенной дороге. До наступления Нового года остается несколько часов, связи нет, шансов на спасение не предвидится. Немногочисленным пассажирам остается лишь распаковать сумки, «накрыть поляну» и попытаться найти смысл в том, что с ними произошло. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-965654-4

© Грачев Р.
© Издательские решения

Содержание

Вне времени. Весельчак С.	6
31 декабря, 17:10. Мрачный эльф	7
17:40. «Едем, чо!»	8
17:55. Воскресший	10
18:32. Приехали	12
18:55. Поворот не туда	14
19:07. Девочки – налево	16
Вне времени. Весельчак С.	18
19:25. На первый-второй рассчитайсь!	20
19:43. Какая гадость эта заливная рыба	23
20:00. Иностранец	24
Где-то там. Люфт	27
20:23. Crazy	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Оливье

Роман Грачев

В воздухе витал страшный дух праздника
(к/ф «ДМБ»)

Редактор Роман Грачев

Дизайнер обложки Роман Грачев

© Роман Грачев, 2019

© Роман Грачев, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-5654-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вне времени. Весельчак С.

В минуты просветления они называют его веселым парнем. Иногда заочно благодарят, но чаще все-таки ругают. Розыгрыши, говорят, у тебя дурацкие.

А как их не разыгрывать, этих милых идиотов?

Бывает, сунешь девчонке под ноги камень или сучок – летит, горемыка, и ледяной коркой шлифует лицо, которым ей завтра на кастинге в модельном агентстве работу добывать. Смешно же? Пусть идет кассиром в супермаркет со своим неполным средним.

Или вот вышел человек из дома, подошел к машине и вспомнил, что ключи забыл. Вернулся, отыскал их под диваном, потому что накануне приполз с корпоратива пьяный вдрабадан и брюки туда засунул. Пока он ходил, страдая тремором, ты ему с козырька крыши сосулю размером с Детройт на новенький «шевроле» – хрясь! Тачка всмятку, а похмельный кретин стоит рядом, глазами хлопает и не знает, то ли плакать ему (страховая жирный кукиш понюхать даст, но мы ей потом отомстим), то ли радоваться второму рождению. И ведь даже не догадывается, что это не его второе рождение, а того мальчишки, которого он, дятел, не собьет сегодня на «зебре» напротив школы.

А уж сколько радости доставляют сломанные каблуки, вырезанные в переполненной маршрутке бумажники с последними деньгами, незапланированные беременности, женские трусы в бардачке, ночные смс из сауны, подсмотренные чужие письма, лишние рюмки водки. Правда же, весело?

Легион их, над которыми если не подшутить, то и день зря прожит. Смешные, глупые, пафосные. И еще эти их немые вопросы с задранной к небу головой и полными слез глазами: «За что?! Я ведь ел в детстве манную кашу! Я перевел сто рублей на строительство часовни! Я читал Сартра в подлиннике, у меня богатый внутренний мир! За что?!!».

Да ни за что! Просто ты мне, сука, не нравишься. И не туда ты смотришь! Я тебе не Морган Фримен, весь в белом приплясывающий под «MC Music Factory». Закрой варежку и слюни подбери, автобус отходит.

31 декабря, 17:10. Мрачный эльф

Водитель вошел через пассажирскую дверь. Худой, сутулый, в легкой красной куртке и дурацкой шапочке с бомбоном на макушке. Будь она того же цвета, вполне сошел бы за эльфа, который отработал суточную смену на упаковке подарков и в гробу видал весь этот «Джингл-беллз».

Он обменялся парой слов с контролершей, хлопнул ее на прощание по попе и окинул салон долгим и внимательным взглядом. То ли считал пассажиров, то ли искал кого-то.

– Мы уже поедem? – громко поинтересовался толстяк с последнего ряда.

– В гости к богу не бывает опозданий, – ответил водитель. Голос у него был скрипучий, пугающий. – Все одиннадцать на месте? Мало вас сегодня.

– А когда ближайший туалет? – спросила дородная тетушка в шубе.

– Тут на вокзале, а следующий будет только через полтора часа. Если не рассчитали с напитками, остановка по просьбе пассажира – сто рублей.

– Это грабеж!

– Это бизнес, – проскрипел водитель. – Еще пожелания?

Пассажиры решили, что мужика сейчас лучше не трогать. Кажется, он не в духе. Оно и понятно – тридцать первое декабря, время семнадцать-десять, впереди четыре часа пути. Озвереешь тут.

Водитель постоял немного, вздохнул горестно, потом пролез на свое рабочее место и запустил двигатель.

– Вас приветствует транспортная компания «Последний путь», – проблеял кто-то в середине салона. – Температура воздуха за бортом плюс-минус двенадцать. Снег, метель. Скорость движения нашего лайнера – как получится. В пути вам будут предложены курица, рыба, яйца и какао с чаем. Если застрянем на перевале – всем кабзда. Пристегните ремни безопасности. С наступающим!

Народ прослушал напутственную речь в подавленном молчании. Когда автобус тронулся и поплыл прочь от посадочной платформы, кто-то из пассажиров звякнул сумкой, под завязку заполненной стеклотарой.

– Будет чем согреться, – подытожил толстяк с последнего ряда.

17:40. «Едем, чо!»

Кого уносит в звенящую снежную даль вечером тридцать первого декабря? Кто все эти замечательные люди? Любители авантюры, искатели новых ощущений, жертвы обстоятельств? Какого, извините, лешего не сидится им дома с ножом в руке перед огромной разделочной доской, обложенной ингредиентами новогодних салатов? Что за блажь?

А не все ли равно? Наш человек слишком большое значение придает тому, где и как он встретит Новый год, будто всерьез верит, что от этого зависит дальнейшее качество жизни. Нужно все устроить, успеть, всех объехать и поцеловать в пуп, закупить жратвы и бухла (не забыть оставить на утро, чтобы ненароком не сдохнуть). И не дай бог в момент боя курантов оказаться не за столом в вечернем платье или в костюме с бабочкой, а в спецодежде в какой-нибудь бойлерной, в кабине машиниста товарного поезда или на вышке с автоматом – всё, считай, еще один год заранее провален.

Знаете, ребята, я с некоторых пор совершенно не заморачиваюсь этим вопросом – где и с кем встречу очередной календарный кусок жизни. Случалось мне и в отделении полиции выпивать с крепкими парнями при погонах и табельном оружии (к утру все братались с задержанными в обезьяннике). Приходилось и в чужой машине заночевать в обнимку с бутылкой шампанского и с куском засохшего торта на пальто. А однажды вообще проспала все самое интересное: в девять вечера мне мой тогдашний мужчина сообщил по телефону, что очень хочет к маме, я пошла в ближайший магазин, набрала корзину водки с пельменями и тупо нажралась; проснулась уже под утро, когда для выживших по телеку крутили «Дисотеку восьмидесятых».

И что? Да ничего! Небо не упало на землю, наступивший год мало отличался от предыдущего – был таким же дебильным. Других в России не бывает.

Вот сейчас я еду в автобусе черт знает куда со своим верным оруженосцем-фоторепортером Стасиком Гисычем. Два дня меня уговаривал мой маленький друг, почесывая свою жиденькую интеллигентную бородку: мол, классная компания, избушка на курьих ножках посреди леса, никакого телевидения, никакого интернета, баня, водка, гармонь и лосось. И уговарив! А почему нет, елки-зеленые? Жизнь – это хаос и месиво. Это мелко нарезанный салат оливье. Ешьте его большим ложками, загребайте половником, получайте удовольствие. Второй порции не будет.

Вряд ли смогу выйти к вам в ближайшие пару дней – в обещанной мне тайге нет сети – поэтому обнимаю и целую всех сейчас. С Новым годом, котаны! Будем жить! Ваша Рыжая Бестия НР.

Наталья Ростовцева, главный редактор криминального еженедельника «Радар», захлопнула крышку ноутбука и толкнула в плечо сидящего справа соседа.

– Нарисуй мне полтинничек.

– Не рано? – откликнулся Стас Гисыч. – Нахрюкаешься по дороге.

– Год Свиньи грядет. Не тормози, доставай.

Стасик с неохотой полез в стоявшую под креслом сумку.

– Отсутствие Киры тебя разлагает, – проворчал он, вынимая бутылку коньяка с пластиковым стаканом на горлышке.

– Нам нужно иногда отдыхать друг от друга. Отправила ее на каникулы в Питер с классом, пусть развеется.

Стасик наполнил стакан.

– Закусишь?

– Занюхаю твоими волосами.

– Я хозяйственным помыл.
– Ужас. И куда жена твоя смотрит.
– Туда же, куда смотрел бы твой гипотетический муж, если б ты удосужилась его завести.
– Началось...
– Продолжилось. Кира скоро школу закончит, уедет и оставит тебя одну с твоей старой кошкой.

Наташа выпила, занюхала рукавом своей куртки.

– Не трави душу, злыдень.
– А кто, если не я? Понятно, что у девчонки никого ближе тебя нет, но своих надо заводить уже вчера.

– Как мило с твоей стороны. И заметь, Стас, это ты еще пить не начал.

Наташа подставила стакан, жестом потребовав добавки. Стасик послушно налил. Он хоть и вредничал порой, но старой подруге ни в чем не отказывал. И, кстати, в своих рассуждениях о жизни, паршивец, почти всегда был прав. Наташа разменяла пятый десяток, но семьей так и не обзавелась. Преданный друг Гисыч и племянница Кира, которую она воспитала после гибели родителей девочки, – вот и все близкие. Джингл-беллз, джингл-беллз...

Она вставила наушники и включила плеер.

Из четырех часов пути около тридцати минут приходилось только на выезд из города. Даже летом и без пробок это была самая изнурительная часть поездки, а уж темным зимним вечером и по метели, да еще и тридцать первого декабря...

– Кошмар, – громко произнесла тетушка в шубе, – так и не чистят на дорогах. Будем ползти как не знаю кто.

– Это еще только начало, – живо откликнулся чей-то баритон. – Вот за ночь наметет, так вообще весь город встанет. Хорошо хоть завтра первое. Кстати, кто-нибудь слышал прогноз? Долго будет снег валить? И что там в Златоусте?

В автобусе – а это был современный комфортабельный «Мерседес» с высокими креслами – царил полумрак, пассажиры не могли видеть друг друга, за исключением ближних соседей, и переговаривались вслепую.

– Как уже сообщала транспортная компания «Последний путь», – возвестил все тот же доброволец, взявший на себя функции бортпроводника, – самое интересное нас ждет на перевале! О ситуации в Златоусте метеорологическая наука умалчивает.

– Уже вовсю празднуешь? – спросил толстяк с последнего ряда.

– Не вижу причин оттягивать процесс! – весело откликнулся «бортпроводник». – Присоединяйтесь! Фуагра, пармезан, докторская, все радости жизни. Посуду не предлагаю, но можно из горла.

Никто больше не поддержал игру. На пару минут в салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь рокотом двигателя. За окнами проплывали хозяйственные постройки, ангары и гаражи, едва различимые за снежной пеленой. Погода портилась, видимость ухудшалась. А в автобусе было тепло и уютно.

В тишине затрещал айфон. На звонок ответил девичий голос:

– Да, мам!.. Едем, чо! Да тут сараи какие-то... Чо?.. Папа рядом сидит... Да все нормально, мам! Дать тебе его?... На, пап, возьми трубку... Не знаю я, чо она опять!..

Разговор продолжил мужчина, но так тихо, что ничего, кроме «бу-бу», «нет» и «не телефонный разговор», не было слышно. Папа девочки читил правила поведения в общественных местах.

Впрочем, через минуту он сломался:

– Да иди ты в пень! Не порть нам праздник! Всё, пока!

– Браво, маэстро! – заплодировал пьяный Бортпроводник. – Так их!

17:55. Воскресший

За городом метель немного утихла. А может и нет. Плотная стена леса за окном не позволяла определить точно. Автобус неспешно катился по узкой дороге в самое сердце вселенской тьмы – только мертвых с косами не хватало.

Наташа Ростовцева выключила «U2», сняла наушники. В этот момент ее легонько толкнул в бок Стасик.

– Глянь-ка, Рыжик.

– Чего?

– Справа от меня, в нашем ряду. Только не пались.

Наташа сделала вид, что потягивается, нагнулась вперед и аккуратно повернула голову. По другую сторону прохода сидел мужчина лет сорока. Он занимал два кресла, откинувшись спиной к окну и опустив левую ногу без сапога на соседнее сиденье. Наглец, словно на домашнем диване возлежал. Сосредоточенное лицо освещалось экраном планшета.

– И что?

– Не узнаешь?

Ростовцева повторила неуклюжий маневр с потягиванием. Да, что-то знакомое. Мужественное, симпатичное и интеллигентное лицо, короткая щетина на подбородке, внимательные глаза. Она определенно где-то его видела. С Наташей так постоянно: по работе встречается с сотнями людей, но большую часть из них в лицо помнит лишь ее внутренний компьютер. Столкнется где-нибудь в городе, пересечется взглядом, осклабится в ответ на приветствие и подумает: «Блин, кто это?».

– Чот не соображу. Точно видела раньше.

– Совсем никак?

– Не дразни!

Стасик нагнулся ближе, прошептал, чуть не лизнув в ухо:

– Это же Косой.

– Кто?!

– Да тише ты! Сериал ментовский не смотрела?

Наташа ухмыльнулась. Нет, сериалы она не смотрела, тем более ментовские, хотя имела репутацию бабы с яйцами, которую читли и уважали даже прокуроры в отставке. Наташа предпочитала нормальные полнометражные фильмы на большом экране. Но в двадцать первом веке от спама никуда не скроешься: даже если у тебя нет детей, ты все равно знаешь, какое пюре покупать на первый прикорм, и ты обязательно хоть раз в неделю наткнешься в прессе на физиономию популярного актера, которого в гробу видала.

– Круглов?!

Стасик молча кивнул.

– Афигеть!

Герой криминальных сериалов Сергей Круглов, игравший преимущественно крутых копов, пропал без вести летом прошлого года. Съёмочная группа сериала «Косой на стреме» ехала поездом в российскую глубинку снимать последний эпизод второго сезона. Суперзвезда и исполнительный продюсер разместился в персональном купе. На вокзале Самары купил плитку шоколада, потом в тамбуре пообщался со своим директором Аллочкой Сиротиной, сообщив ей, что хочет взять бессрочный отпуск. После этого ушел к себе. Вечером поезд пересек Оренбургскую область, подошел к Башкирии. Круглов на людях не показывался. Коллеги решили, что он погрузился в чтение сценария или уснул. Но и утром его никто не видел. Купе оказалось пустым – ни верхней одежды, ни документов, ни бумажника. Остались только сумка

с вещами и резиновые тапочки под столиком. Коллеги прошли по поезду (мало ли, вдруг забухал с кем-нибудь), но безрезультатно. Телефон находился вне зоны действия сети.

Без сомнения, Сергей сошел на какой-то станции. Но где? И зачем?

Шумиха в прессе поднялась нешуточная. Печатные таблоиды и телевизионные ток-шоу плясали румбу. Силовики прочесали все маленькие городки и деревни на пути следования скорого поезда «Южный Урал», расклеили листовки, подняли все контакты Круглова в Москве и других крупных городах, где жили его знакомые и друзья. И ничего. Как провалился!

К зиме икону криминальных шоу объявили погибшим...

...И вот он, жук, сидит в провинциальном междугородном автобусе и в планшете ковыряется!

– Да ну! – усомнилась Наташа. – Точно он?

– Я смотрел оба сезона, – сказал Стасик. – Готовь дырку для ордена.

Наташа не могла оторваться. Вот же красавчег, листает страницы, что-то бормочет, шевеля губами. Сделать бы фотографию втихаря...

О, черт! Засек!

Не меняя выражения лица и положения головы, Сергей Круглов перевел взгляд на Наташу. Теперь они смотрели друг другу в глаза. Всего пару мгновений. От этого взгляда у журналистки едва не застыли легкие. Она отпрянула, отвернулась к окну.

– Спалились, – сказал Стасик.

Оба сидели не двигаясь.

Молчание нарушил Круглов.

– Командир, тормозни где удобно!

– Сто рублей! Я предупреждал насчет туалета!

– Не обижу!

Автобус взял чуть вправо, плавно остановился. Круглов натянул на ногу сапог, поднялся и, закинув на плеч спортивную сумку, направился к выходу.

– Уйдет, – пробормотал Стасик.

– Куда? Лес вокруг!

Автобус стоял с открытой дверью. В салон ворвался свежий воздух. Ветер действительно стих, буря за городом почти не ощущалась.

– Ушел, – сказал Стасик. – Мы его просрали. Может, мне за ним?

Он уже собрался расчехлить фотокамеру и броситься в погоню за сбежавшей звездой, когда Круглов, отряхивая сапоги от снега, вернулся в машину.

– Спасибо, командир.

Автобус поехал дальше, а Сергей вернулся на свое место. На журналистов он больше не смотрел, включил лампочку над головой, чтобы почитать газету.

– Камеру далеко не убирай, – сказала Наташа.

18:32. Приехали

Кажется, все уже спали. Трудно было не заснуть. За окнами – тьма египетская, в салоне – тишь, благодать и духота. Хоть бы радио включил, уставший Эльф.

И тут автобус сильно тряхнуло. Причем дважды – на передней оси и почти сразу на задней.

– Мммать!!! – с воплем подпрыгнул Круглов.

– Твою!!! – продолжил толстяк в последнем ряду.

Вопли возмущения смешались в один общий гул. В середине салона сверху слетела тяжелая сумка, обрушилась с тревожным звоном в проход между креслами. Взвизгнула девочка – очевидно, та, что не желала общаться по телефону с мамой. Дородная тетушка в шубе сильно приложила лбом к спинке переднего кресла.

– Стой, мусульманин!!! – прокричал Бортпроводник.

Его призыв был услышан – через несколько мгновений лбами к креслам приложились все. Автобус въехал в препятствие. Удар был несильным, но настолько неожиданным, что никто не успел подготовиться. Дзинь, бум, сдавленный женский крик, оборванные на полуслове матюки и протяжное «йoooo!» с заднего ряда. Автобус слегка накренился на правый бок и, фыркнув напоследок, замер. В темноте светилась зелеными огоньками приборная панель.

И тишина, будто фильм поставили на паузу.

– Командир, что это было? – поинтересовался Круглов.

Молчание.

– Эй, ты там живой, нет?

Вместо ответа трижды пропиликал какой-то прибор, и панель сразу погасла, как и все остальное освещение. В салоне стало темно, выручали только лунный свет и снег за окнами.

– Зашибись, – пробормотал толстяк.

– А я предупреждал! – откликнулся Бортпроводник.

– Помолчи, чудо!

Круглов вылез в проход.

– Все целы?

Пассажиры загудели вразнобой.

Сергей неспешно прошел по салону, оглядывая попутчиков. Чуть задержался у второго слева кресла, нагнулся, что-то пробормотал. Ему ответил тонкий женский голосок:

– Да-да.

Стасик фыркнул:

– Выпендрежник.

– Актер, – поправила Наташа.

Круглов подошел к месту водителя, заглянул за перегородку. Пассажиры молча ожидали вердикта. Ситуация нестандартная: Эльф так и не издал ни звука, хотя интересоваться самочувствием вверенных ему людей после экстренного торможения должен был именно он.

– У меня плохое предчувствие, – сказал Стасик.

Круглов, наконец, выглянул из-за ширмы. Выражения его лица не было видно, но темный силуэт одними своими очертаниями выдавал легкую степень шока.

– Это... как бы... Слушайте, а врача в автобусе нету?

У кабины собрались четверо: Наталья, Стасик, актер и еще один мужчина лет сорока пяти, крепкий, осанистый – судя по голосу, папа девочки. Он пристроился на ступеньках перед дверью.

Долго молчали. Гисыч выдавил что-то нечленораздельное.

Водитель в своей дурацкой шапочке с бомбоном лежал на руле. Руки висели безвольными плетьюми.

– Хьюстон, у нас проблемы, – произнес Круглов.

– Он точно... того? – спросила Наташа.

– Попробуйте сами.

Она осторожно, будто боясь ошпариться, протянула руку к запястью Уставшего Эльфа, попыталась нащупать пульс.

– Да, ничего. Надо его приподнять, наверно. Посветите кто-нибудь.

Мужчина со ступенек направил на них свет телефонного фонарика. Круглов подхватил водителя за плечи и не без усилий откинул к спинке кресла. Руки Эльфа костяшками пальцев ударились о пластиковую обшивку перегородки – бряк!

Все одновременно ахнули. Наташа прикрыла рукой лицо, Стасик отшатнулся, едва не упав на мужчину с фонариком.

– Что там?! – крикнула тетушка в шубе.

– Кабзда, как и было обещано! – известил Бортпроводник.

Лицо Эльфа было похоже на маску маньяка из триллера «Крик» – распахнутый в ужасе рот, побелевшая кожа, стеклянные глаза, глядящие во мрак.

– Перед смертью он увидел Чужого, – пробормотал Круглов.

– Это сердечный приступ или что-нибудь в этом роде.

– Скорее всего.

Фонарик погас. В полумраке картина выглядела еще более злобещей.

– Надо попробовать запустить двигатель, – предложил Стасик. – Только нейтралку поставить...

Актер перегнулся через перегородку, не без труда установил нейтральную передачу, нащупал ключ зажигания.

– Ну, давай, фриц, заводись.

Он повернул ключ против часовой стрелки, выждал пару секунд и вернул в положение запуска. Наташа почему-то была уверена, что ничего не выйдет. Так ведь и должно было случиться: вечер, лес, скоростно померший водитель, авария – и кирдык автобусу. Триллер.

Она ошиблась. Приборы ожили, фары ближнего света выхватили из тьмы высокий снежный брусстер, а затем «Мерседес», поворачав немного для приличия, снова загудел.

– Посмотрите, сколько там топлива, – предложил мужчина со ступенек.

– Примерно половина, чуть больше. Неплохо для начала. Найти бы еще кнопку, где свет включается.

– Для начала нам вообще повезло, что его схватило не на высокой скорости где-нибудь на трассе. – Мужчина поднялся по ступенькам и протянул руку. – Антон.

– А я Сергей.

– Стас.

– Наталья.

Круглов повернулся к салону.

– Граждане пассажиры, кажется, мы приехали.

18:55. Поворот не туда

Кнопку включения света в салоне искали долго. Никто раньше не сталкивался с управлением автобусами. Тыкали пальцами наугад, пару раз отключив какие-то датчики и вынудив машину материться на немецком языке, но в итоге нашли. Антон предложил убавить обогрев. Затем он же озвучил и другую дельную мысль: прежде чем вызывать «скорую» и спасателей, нужно определить местонахождение автобуса. Снова долго искали нужную кнопку – на этот раз открывания двери.

Водитель оставался безучастным. Наталья с трудом переборола желание прикрыть ему глаза.

Все четверо вышли на воздух, протиснувшись в узкий проем двери, прижатой снежным сугробом. Морозная свежесть лизнула щеки. Вокруг возвышался реликтовый сосновый лес.

– Холодно стало, – поежилась Наташа, запахивая тонкую куртку.

– Это просто на контрасте, – ответил Стас. – Так, ну чего тут?

Отошли к корме, огляделись.

– Вот вам и причина, ребята, – сказал Антон. Метрах в десяти от машины прямо поперек дороги лежало толстое дерево с мохнатыми ветками.

– А вот и следствие, – отозвался Сергей, пнув ногой по заднему колесу. Оно было спущено. – Кстати, с передним то же самое. С горки скатились.

Стасик беззвучно выругался, Антон полез в карман за сигаретами.

– Кто-нибудь узнает местность?

– Я точно здесь не была.

Они стояли на узкой дороге, которой, по ощущениям, редко кто пользовался. При этом, как ни странно, она была тщательно очищена от снега – по краям высились снежные терриконы. В один из них и уткнулся краем носа «Мерседес».

– Метель только в городе? – удивился Стасик. – Тут небо совсем чистое. Луна вон какая...

– Я часто езжу по работе в этом направлении, – сказал Антон, прикуривая. – Мне кажется, мы где-то свернули.

– А вы не из полиции случайно? – как бы между прочим поинтересовалась Наталья.

– Почему вы так решили?

– Глаз у меня наметанный, профессиональный.

Антон шмыгнул носом.

– Почти угадали. Боец невидимого фронта.

– Извините за любопытство.

– Ерунда. Охранно-детективное агентство «Данилов» знаете? В свою честь назвал.

– Да ладно! Вы же у нас рекламу покупаете! Я главред «Радара», Ростовцева Наталья...

Надо же, давно сотрудничаем, а встретились впервые, да еще и в таких обстоятельствах. Вы, похоже, с дочерью здесь? Уж не Томка ли?

– Она. В гости едем. Вон в окне маячит. – Он махнул рукой девочке, прилипшей носом к стеклу. – Тамар, посиди пока, не выходи!

Наташа с улыбкой поприветствовала подростка растопыренной ладонью.

– Я читала ваши рассказы в интернете. Веселые. Угостите зажигалкой, Антон.

Круглов и Гисыч не проявили интереса к этому странному диалогу. Они подошли к упавшему на дорогу бревну. Сергей толкнул его ногой. Тяжелое.

– Как зубами вырвали, – кивнул Стасик в сторону обочины, где в снегу чернел обгрызенный сосновый пенек.

– Да, чудеса. Сейчас из леса людоеды на ужин выскочат. По идее, надо бы оттащить в сторону.

Лес потрескивал кронами высоченных деревьев, откуда-то издалека едва различимым фоном доносился шум цивилизации. Если автобус и свернул с привычного маршрута, то удалился от него на довольно приличное расстояние.

– Я не местный и без понятия, где мы, – сказал Круглов.

– Похоже, никто тут не проедет в ближайшие двести лет, – добавила Наталья. – Навигатор нужен.

Антон вытащил телефон, разбудил экран.

– Дохляк. Проверьте свои.

Все остальные тоже полезли в смартфоны.

– У меня оператор пропал, – доложил Стасик.

– Ясно. – Сергей Круглов сунул свой гаджет в куртку. – Если учесть, что операторы у нас разные, то становится еще веселее.

– У водилы есть ГЛОНАСС, я видел. Пойду гляну.

Стасик направился обратно к автобусу, но по дороге его чуть не сшибла всклоченная тетушка в шубе.

– Э, мадам, аккуратнее!

Она его даже не заметила.

– Что происходит, мужчины? Ни у кого в автобусе телефон не работает! Вообще ни у кого! Мы где?! Мы потерялись? Меня ждут! Что будем делать?!

Круглов и Данилов молча переглянулись. Стоявшая между ними Наташа озвучила мысль, которая наверняка крутилась у мужчин в голове:

– Парни, предлагаю по рюмашке. Глядишь, идеи толковые придут. Стасик, захвати сумку!

19:07. Девочки – налево

Народная примета гласит: если у тебя под рукой есть бутылка хорошего коньяка (впрочем, обычная бюджетная водка тоже подойдет), то рано или поздно найдется причина ее вскрыть. Кому-то, конечно, удастся спокойно держать дома целый бар, время от времени наслаждаясь тонким букетом пятилетнего армянского или изысканной терпкостью «Джека Дэниэлса», но большинство из пьющих людей, проходя мимо волшебного сосуда, зададут себе риторический вопрос: «А какого черта он стоит просто так?!». И уж тем более у хорошего коньяка нет шансов уцелеть, если вы тридцать первого декабря застряли вместе с рейсовым автобусом посреди глухого леса и в голове нет ни одной здравой идеи насчет спасения.

В сумке Стасика, кроме выпивки, оказались: три упаковки отменной мясной нарезки, литровая банка домашних соленых огурцов, два нарезанных батона, дубинка копченой колбасы, контейнер с маринованным мясом для шашлыка и мешок вкусовых добавок, включавший кетчуп, майонез и какую-то острую присыпку для курицы. Со всем этим богатством четверка активистов уединилась по другую сторону автобуса, почти у кабины – так, чтобы не попадать под струю выхлопного газа и не маячить перед тетушкой в шубе и остальными пассажирами, высыпавшими на свежий воздух.

– Считайте, что они уже выбрали себе вожаков, – предположил Антон. – Сейчас всё на нас повесят.

– Логично, – согласился Стасик, – но мы сами вылезли вперед.

– Вот поэтому и надо хлопнуть для начала.

Хлопнули первую. В качестве закуски в расход пошла мясная нарезка с батоном. Стасик попытался озябшими руками открыть банку с соленьями, но его уговорили оставить ее на потом. Когда наступит это «потом» и каким оно будет, никто, разумеется, не знал. Девственно чистое небо, позволившее луне освещать лесную глухомань, наводило на мысль, что к ночи может случиться мороз.

Но пока было терпимо. Да и коньяк подогрел.

– Выпить на природе – это, конечно, хорошо, – сказал Стасик, – но чего делать-то будем?

Сергей, жуя бутерброд, посмотрел попеременно в один конец дороги и в другой. Узкий и извилистый двухполосный проселок, казалось, вел из ниоткуда в никуда.

– Пешком? – предположил Гисыч. – Я в детстве, помню, с отцом заблудился в лесу недалеко от Кыштыма. Вышли на трассу, а в какую сторону топать – непонятно. Определились по солнцу, доковыляли до автовокзала.

– Мы тоже наверняка куда-нибудь выйдем, – сказал Сергей. – Может, даже к людям. Но мы не знаем, сколько придется идти. Холодно.

– У меня ребенок, – добавил Антон.

– И у всех тяжелые сумки, – добавила Наталья, внимательно глядя на Сергея.

Тот перехватил ее взгляд.

Несмотря на обстоятельства, Ростовцева оставалась журналисткой и помнила, что рядом с ней находится человек, которого страна давно похоронила. Стоит тут живой и здоровый, ест бутерброд. И еще она видела, что он понимает причину ее интереса. Однако время разговора еще не пришло, оба ждали подходящего момента.

– Давайте еще по одной, – предложила Наташа, – пока народ не сбежался.

Стасик разлил остатки коньяка.

– Ну, за знакомство, что ли, – сказал Антон.

Пластиковые стаканчики беззвучно сомкнулись...

...и все четверо, стоящие посреди дороги возле рокочущего автобуса, ощутили себя одной компанией. Стало ли причиной совместное распитие, или их объединили активные дей-

ствия сразу после аварии – не суть важно. Иногда достаточно нескольких минут, чтобы почувствовать друг друга.

Из-за угла появилась тетушка в шубе.

– Мужчины!

Стасик шумно выдохнул.

– Не откажите в просьбе, мужчины! Полчаса уже терплю! Покиньте, так сказать...

– Ладно, парни, пойдем, – сказал Антон, – меня дочь потеряет.

– Парни? – хихикнула Наташа. – Можно подумать, я хочу остаться и наблюдать.

– Поменьше веселья, ребята, – мрачно изрек Сергей, закуривая. – Не забывайте, у нас в машине труп.

Вне времени. Весельчак С.

А вот еще был случай.

Жил-поживал олигарх один, местечковый барин. Звали его по паспорту Гаврила Семанкин, а за глаза кликали Хиросимой. Успешный такой, упитанный, много денег, машина, все дела. Весельчак обожает таких.

Гаврила, конечно, не всегда был барином. В детстве кошек мучил, одноклассникам юбки задирали, учителям кнопки под зад подкладывал. Однажды в школьной столовой высморкался в чужой стакан с компотом. Получил по морде.

Учился плохо, Гваделупу с Гонолулой путал, в дневнике чертиков рисовал, у доски рожи корчил. Но товарищи его любили – всегда было над чем поржать. Правда, сами же иногда и дубасили, потому что в шутках своих заходил он слишком далеко. Бывало, с приятеля штаны прилюдно спустит или в девчонковую раздевалку запихнет. Навалиют ему после уроков, он сопли утрет – и дальше хохмить.

Школу закончил с одними тройками. На выпускном вечере нажрался, заблевал учительскую, нассал под бюст Ленина в пионерской комнате, врезал физруку. Как следствие, первый рассвет взрослой жизни встречал в обезьяннике районного отделения милиции. Хорошо хоть аттестат успел забрать.

Думаете, он как-то образумился со временем? Конечно, образумился, куда ж денешься, взрослая жизнь всему научит.

Служил Хиросима в армии, мучил новобранцев (зря, что ли, на кошках в детстве тренировался), сидел на губе, стрелял из «калашникова» в бродячих псов, шлюх гарнизонных отмечал в больших количествах, зарабатывая триппер. В итоге дослужился до старшего сержанта и ушел на дембель весь в аксельбантах, как новогодняя елка. По дороге домой привычно нажрался, начал прессовать молодых гражданских попутчиков («я, блять, Родину, сука, защищал, пока ты тут!»), заблевал весь вагон, нассал в тамбуре, сломал титан с кипятком, врезал начальнику поезда и, в конце концов, был высажен на станции маленького города с романтичным названием Херота (есть такая, не смейтесь). В обезьяннике местного отделения милиции скорешился с будущим владельцем медеплавильного комбината, который прочел ему лекцию о секретах ведения успешного бизнеса. Вернулся домой ученым человеком, а там уже и лихие девятые подоспели...

Вам точно интересно, что было дальше? Откройте «Википедию» и почитайте биографии известных политических деятелей, крупных бизнесменов и прочего сброда. Гаврила Хиросима мало чем от них отличался, разве что меховые шапки в вокзальных сортирах не воровал – фантазии не хватило.

В общем, жил-был себе этот бизнесмен, в ус не дул, миллиарды на комсомольские стройки спускал, с чиновниками в бане парился, звездам хоккея «кайены» дарил, детским домам мягкие игрушки присылал. Однажды большое интервью дал, рассказал о своем многотрудном жизненном пути – прям с самых низов начал, с должности рядового слесаря на местном тракторном заводе. Плутарх на том свете от зависти кипятком под себя пошел.

А потом вмешался Весельчак.

Отмечал как-то Хиросима в дорогом ресторане очередную сделку: отжали с партнером у какого-то очкастого лоха, выпускника Гарварда, бизнес за долги. Так, семечки, но приятно. В разгар веселья отпросился наш триумфатор в толчок сходить. Морепродукты в него как-то неудачно зашли, булькать внутри начали. Уселся банкир-миллиардер на золотой унитаз (шутка, всего лишь позолоченный, но оцените иронию), сбросил первую партию, а тут его инсульт и долбанул! Намертво так, аж лицо перекошило.

Партнер хватился его минут через двадцать. Пошли с охраной искать, кальянную проверили, водителя в машине навестили. Наконец, дошли до толчка, взломали единственную запертую кабинку, а там... божечки, вонища до небес, Гаврила со спущенными штанами на толчке сидит и в потолок таращится так, будто там финал чемпионата мира по футболу показывают и Дзюба готовится пробить решающий пенальти.

Подробных некрологов в прессе, разумеется, не было (а чего вы ждали? «обосрался на службе Родине»?). Писали, что, мол, сгорел неистовый трудяга, не рассчитал силы, умер с мечтами о прекрасной России будущего, оставил после себя незаконченную книгу стихов, дачу в Подмоскovie и участок в шесть соток в деревне Суково (да, не смейтесь, и такая есть), а остальное завещал фонду борьбы в засухой в странах ШОС и БРИКС.

Однако Весельчака такой исход, разумеется, не устроил. Охранники-то в ресторане все видели, да и менты с врачами, на вызов приехавшие, нанюхались там по самые гланды. Всем рты не закроешь, в секретных архивах не спрячешь, не те нынче времена. Понеслось дерьмо по трубам, и однажды какие-то левацки настроенные гопники нацарапали ночью на кладбищенском гранитном памятнике Гаврилы фразу, ставшую пожизненным девизом его наследников: «Деньги пахнут».

А нехер было кошек мучить!

Так, черт с ним, что там наш автобус...

19:25. На первый-второй рассчитайсь!

Тело водителя перенесли в последний ряд, согнав с места толстяка. Чтобы не пугать особо впечатлительных пассажиров, в числе которых были не только женщины, но и ребенок, хотели сначала попросить всех выйти на воздух, но в итоге просто нашли в багажном отделении какую-то дерюгу, завернули в нее тело и с мрачной торжественностью протащили по проходу, предложив зрителям отвернуться к окнам.

Все же без комментариев не обошлось.

– Вот ведь судьба какая, – всхлипнула тетушка в шубе, когда Сергей и Антон со своей ношей, пыхтя, прошли мимо ее кресла. – Ехал, ехал, Новый год собирался встречать после работы. Дома его кто-то не дождался...

– Щас заплачу! – вставил свои пять копеек Бортпроводник. – Успокойтесь, вас тоже могут не дождаться!

К слову, эту порядком надоевшую Вангу до сих пор никто и не разглядел. Сидел он в левом ряду один на двух креслах, завалившись в угол, и лица не открывал, спрятался за высоким воротником стильного пальто и широкополой шляпой. Антон приметил длинный белый шарф и портфель с блестящими замками. Джентльмен в отпуске.

Разобравшись с телом, «оргкомитет спасения» (как мысленно окрестила активную четверку Наташа) решил обратиться к народу. Функцию оратора взял на себя Сергей. Актер как-никак, речь поставлена.

– Так, друзья, минуточку внимания, пожалуйста.

Пассажиры подобрались.

– Как вы понимаете, ситуация сложилась непростая. Наш автобус застрял в снегу. Связи здесь нет никакой абсолютно, вы могли в этом убедиться сами. Кстати, продолжайте проверять время от времени, мало ли что. Спутник водителя тоже не работает. Это странно, но придется смириться. Отсутствие связи не позволяет нам определить нашу геолокацию – проще говоря, мы не знаем, где находимся. Кто-нибудь из вас что-нибудь видел в окно перед аварией? Деревню, автозаправку, сарай, переезд железнодорожный? Любую приметку? Я вот в окно не смотрел.

Пассажиры пошушукались.

– Я поглядывала, – сказала девушка с переднего сиденья. – Примерно полчаса до остановки было просто темно.

– Полчаса... Значит, глубоко заехали, и это точно не оживленная магистраль. То есть надежды на то, что мимо поедут, невелики. Наверно, мы могли бы как-нибудь выехать сами, но автобус потерял два колеса по правому борту...

– Три! – прервала его тетка. – Я когда там на другой стороне... это... ну, в общем, когда вы ушли, сзади левое зашипело.

– Ну вот, – пробормотал Сергей, – а мы и не заметили. Что ж, значит, мы остались без колес, даже запаска не спасет, да и квалификации нужной нет ни у кого, чтобы заняться ремонтом. Отсюда вывод...

Сергей переглянулся с Антоном, который стоял рядом, прислонившись к поручням у двери.

– Отсюда вывод, – подхватил тот, – что мы пока плотно застряли. Подчеркиваю – пока! Если за прошедшее время по нашему проселку никто не проехал, это не значит, что не проедет позже. И нас все равно потеряют, когда автобус не появится вовремя на промежуточной станции. Какая у нас ближайшая?

– Сатка, может? – предположил Стас.

– Думаешь? Ну, не суть. В общем, искать будут. А до тех пор...

– Мы отрезаны от мира? – спросил мужчина лет под шестьдесят, тот самый, что при выезде из города интересовался погодой в Златоусте. Седой дядька с усами, в простоватой куртке «аляске». Довольно забавный.

– Возможно, – улыбнулся Антон. – Пока никаких признаков жизни вокруг. Только бревно почему-то на дорогу рухнуло.

– Если бревно лежит, – вставил толстяк, переместившийся к середине салона, – значит, тут точно давно никого не было.

– Или кто-то прячется в засаде.

Пассажиры снова зашушукались. Тетка полезла в сумку, вытащила шелестящий пакет, принялась его тереть.

– Ладно, – продолжил Сергей, привлекая к себе внимание, – шутки шутками, но исходные данные вот такие. Есть и приятные моменты: бензина хватит, чтобы не застудить салон, и учитывая, что многие из нас ехали куда-то праздновать Новый год, с голода мы тоже не помрем.

– Водки точно полно! – сказал толстяк. – У меня в сумке лучшие образцы Семёновского завода!

– Не потравимся? – усмехнулась Наташа.

– Обижаете! Я ее сам когда-то делал, пока контрольный пакет не продал.

Наташа присмотрелась к собеседнику.

– Вы не Кирилл Обухов часом?

Толстяк из вежливости оторвал зад от кресла, козырнул:

– Есть немного.

– Кошмар. – Наташа хлопнула ладонью по лбу. – Вечер узнаваний, мама дорогая. Миллионный город.

– Мы знакомы?

– Лично – нет. Но я о вас писала.

В диалог вмешался Антон:

– Хорошая мысль, кстати. Раз уж мы тут застряли и черт знает сколько еще проторчим, предлагаю всем познакомиться. Заодно и выясним, какими ценными кадрами располагаем. Что скажете?

Пассажиры заговорили вразнобой. Антон поднял руку.

– Давайте по одному! С себя начну. Меня зовут Антон Данилов, я директор частного охранно-детективного агентства. Мы с дочерью ехали к друзьям в Юрюзань.

– Воздушный маршал Эркюль Пуаро, – усмехнулся Кирилл Обухов. – Там, где есть труп, обязательно найдется сыщик.

Шутку никто не поддержал. Вспомнив, что в машине лежит коченеющее тело несчастного водителя, все притихли.

– Идем дальше? – предложил Антон.

Руку подняла девушка с переднего ряда. Смекнув, что ее никто не видит из-за кресла, она встала. Блондинка с хвостиком на затылке, в светлом пальто, немного зажатая. Огляделась и чуть слышно проговорила:

– Евгения... филолог. Вряд ли чем-то могу пригодиться. Кхм, спасибо.

– Здрасьте, – сказал Антон, не сводя с нее удивленного взгляда. – Слона-то я и не заметил. Евгения улыбнулась и вернулась на место.

Следующим представился усатый дядька в «аляске»:

– Николай Туликов, инженер в управляющей компании. Но никогда не сидел за рулем и в машинах ничего не понимаю. Я больше по трубам и умывальникам.

– Инженер – это звучит гордо, – улыбнулся Сергей.

Когда Туликов опустился в кресло, всеобщее внимание привлекла тетушка в шубе. Она продолжала неистово шелестеть пакетом.

– Приятного аппетита, конечно, – сказал Сергей, – но теперь ваша очередь, сударыня.

Шелест резко оборвался. Очевидно, даму удивило необычное обращение.

– Я на пенсии, – с набитым ртом отрекомендовалась «сударыня». – Я Татьяна, если что. Она даже не встала.

Далее в проход выплянул молодой человек, которого раньше тоже не замечали. Возможно, он сам не спешил светиться – представился быстро и сдержанно. На вид ему было лет тридцать с небольшим, интеллигентный, в очках.

– Михаил. Преподаю историю в педагогическом университете.

Вслед за ним отрекомендовались Наталья и Стасик. Наташа, закончив свою краткую презентацию, в упор уставилась на Круглова.

– Ну а вы, Сергей? Чем занимаетесь? И где?

В ее вопросах звучал вызов.

Круглов взял небольшую паузу, оглядел присутствующих из-под бровей. Кажется, никто, кроме журналистки, не проявлял к нему особого интереса.

– Меня зовут Сергей. Я держу музыкальный магазин в одном маленьком городке... вы о нем не слышали. Пока всё. – Он кашлянул и сразу сменил тему. – Так, что мы имеем: журналист, фотограф, филолог, продавец-меломан, пенсионер, историк, детектив, инженер по трубам, владелец вкусной водки. Все правильно?

– Отряд самоубийц, – усмехнулся Антон. – А где у нас этот... чревоугодник?

– Спит! – отчитался Стасик. – Умаялся, бедолага.

– Ну и отлично, нам спокойнее. – Антон сомкнул ладони с негромким хлопком. – Вроде все?

– Меня забыли!

В проход выскочила белокурая девчонка с носиком картошкой и невероятно длинной косой.

– Я Тамара, дочь детектива. Пап, может, по пельмешке?

В ответ раздался громкий шелест пакета.

19:43. Какая гадость эта заливная рыба

Михаил Некрасов шифровался не просто так.

Во-первых, в нем могли опознать участника телешоу «Ясновидящий». Хотя тот сезон, в котором он имел глупость засветиться, прошел в эфире уже довольно давно, среди обывателей оставалось немало фанатов потусторонней бредятины, не пропускавших повторов или смотревших старые выпуски в интернете. Могли вспомнить лицо.

Во-вторых, Миша хотел спокойно изучить невольных пленников автобуса.

Да, он многое видел.

Например, оратор, назвавшийся Сергеем, не совсем тот, за кого выдает себя. Возможно, магазин у него действительно есть, но это далеко не главное. А что главное? Черт его знает, надо понаблюдать еще.

Парочка из интернет-издания «Радар» давно вместе. Если не со школьной скамьи, то точно с института. Они очень близки, прям вот очень – ближе, чем бывают супруги, пережившие в браке трех генсеков. При этом, как ни странно, романтической связи у них Миша не нашел. Едва ли они даже спали друг с другом. «Брат и сестра по духу, не очень удачливые в личной жизни», – охарактеризовал их молодой экстрасенс.

Не вызвала особых вопросов и пенсионерка Татьяна. Вот уж где святая простота. Коня на скаку остановит и гриву ему оторвет, будет шелестеть своим хлебным пакетом даже на Страшном Суде. Наверняка у тетушки полно внуков, таких же круглых и упитанных. Насчет мужа пока неясно, но он вряд ли оказал на ее жизнь серьезное влияние.

Чуть сложнее оказалось с Евгенией, которая сидела в соседнем с Михаилом ряду. В душе ее давно копошился червь. Давило что-то из прошлого, возможно, какой-то несправедливый поступок. В последнее время она вспоминала о нем реже, но неприятное прошлое нельзя утопить в проруби – всплывет обязательно.

В целом за пассажиров автобуса Миша пока был спокоен – обычные люди, преимущественно интеллигенция, со своими тараканами и скелетами, большого зла в мир не принешие. Но в салоне всё отчетливее чем-то воняло, и отнюдь не трупом, лежавшим на заднем диванчике. Кстати, может, есть смысл вынести его из автобуса, пока действительно не начал флюиды испускать?

Михаил зевнул, потянулся, расправляя затекшие от длительного сидения члены. Надо будет прогуляться.

Странное дело, но в этом дурацком положении есть что-то восхитительное и даже романтическое... если не принимать во внимание родственников и друзей, которые скоро начнут обрывать телефоны, названивая в МЧС. Это те самые моменты жизни, которые никогда не повторяются, а потому обязательно запомнятся. Слишком правильно и скучно мы стараемся жить, боимся нарушить привычные ритуалы. Вот, например, предложение руки и сердца любимой девушке можно сделать не в дорогом ресторане под песню Муслима Магомаева, да еще и припав на одно колено, а в чебуречной на вокзале (сам Миша так и поступил, и его избранница, не избалованная жизнью его же бывшая студентка Лена Хохлова, на радостях съела три чебурек и порцию пельменей). В день рождения не обязательно зазывать весь цыганский табор родственников и задувать свечи на торте – можно просто купить килограмм суши, литр водки, запереться в квартире с диском «Доктора Хауза» и как следует нажраться.

А под Новый год можно въехать в рейсовом автобусе в сугроб.

20:00. Иностранец

Несмотря на торжественный ритуал знакомства, обитатели автобуса не спешили сливаться в экстазе. Туликов продолжал самостоятельные попытки установить связь с внешним миром, иногда оглашая салон своими инженерными междометиями, пенсионерка Татьяна ковырялась в сумке и что-то бормотала себе под нос, филолог Евгения листала страницы в смартфоне, а Томка Данилова стащила из отцовской сумки литровый пакет сока, шоколадный штрудель и принялась трапезничать, слушая в наушниках корейский поп.

– Даже в такой нестандартной ситуации каждый сам по себе, – сказала Наташа.

– А чего ты хотела? – откликнулся Стасик. Вся четверка снова кучковалась возле кабины. – Ждут волшебника в голубом вертолете.

– А с волшебниками у нас напряженка, – произнес Сергей. – Хорошо хоть паники нет.

– Предложения?

Антон взглянул на часы.

– До Нового года еще полно времени. Как говорил Атос, решение проблемы придет само.

– Да, расслабимся и будем получать удовольствие. – Сергей нажал кнопку открывания дверей. – Пойду прогуляюсь, поднимусь повыше.

Перед выходом из автобуса он бросил короткий взгляд на Наталью, и она готова была поклясться, что этим взглядом он приглашал ее за собой.

– Я, наверно, тоже выйду, перекурю.

– Далеко не отходите, – сказал Антон. – Места, похоже, дикие.

Едва очутившись на улице, Наташа усомнилась в том, что правильно трактовала взгляд киноактера. Сергей и не думал ее дожидаться, сразу зашагал к валявшемуся вдоль дороги бревну (мужчины оттащили дерево к снежной насыпи, чтобы больше никто не убился, если поедет мимо). Она хотела окликнуть его, но позже решила просто молча догнать.

Круглов остановился, опустил одну ногу на ствол, неторопливо осмотрел. При аварии дерево перекрывало дорогу по ширине, но если бы автобус двигался в противоположном направлении по соседней полосе, он преодолел бы препятствие с меньшими потерями. И почему он не принял влево?

Ясно почему. Водитель был уже мертв.

– О чем думаете? – спросила подоспевшая Наташа.

– Я, конечно, не ботаник, но сосенка не выглядит больной. Смотрите, какие ветки мохнатые, хоть сейчас на площади ставь и наряжай.

– Согласна. Да и пень какой-то рукотворный.

– Как я уже говорил, похоже на засаду.

Она взглянула ему в лицо. Сергей излучал спокойствие.

– Совсем ничего не боитесь?

Вместо ответа он приподнял край своей короткой куртки, продемонстрировав широкий и, судя по всему, дорогой ремень. Из-за штанов чуть в стороне от ширинки торчала...

...бог ты мой, рукоятка пистолета.

– Ой, – только и смогла выдать Наташа.

– Никогда раньше не видели?

– Обижаете. Я в криминальной газете десять лет отработала, доводилось из пулемета стрелять. Но вы правы, вот так, по-простому, в штанах... только в кино. Он настоящий?

– Думаете, муляж со съемочной площадки спер?

Наташа засмеялась. Смысла шифроваться больше не было.

– Дорога поднимается в гору, – сказал Сергей. – Мы под уклон шли и налетели на дерево. Там дальше за поворотом будет повыше. Пойдемте.

Она не возражала. Это был очень удобный момент, чтобы пообщаться.

До поворота было метров сто с небольшим. По мере удаления от автобуса становилось тише. Рядом с дорогой с одного дерева на другое, стряхивая снег, перемахнула крупная птица. Пожалуй, в одиночку Наталья здесь не рискнула бы гулять. Жутковатое место. Она вспомнила свою давнюю поездку с друзьями на Озеро и Остров, перевернувшую не только ее жизнь, но и жизнь всех ее попутчиков, включая Стасика. Вновь, как и тем памятным летом, на ум пришло сравнение с безмолвными солдатами Урфина Джюса, охранявшими покой девственной природы. Только сейчас к их зеленым мундирам налипал снег.

Мрачное волшебство.

– Спрашивайте, – великодушно разрешил Сергей.

– А чего тут спрашивать, вопрос только один: куда вы пропали в прошлом году? Тут ведь такое началось.

– Знаю, я потом видел газеты.

– Потом? Это когда?

– Когда смог вернуться.

– Откуда?

Сергей ненадолго остановился, чтобы вытащить пачку сигарет и закурить.

– Извините, Сереж, если мои вопросы кажутся слишком настойчивыми. Это профессиональное, вы ж понимаете.

– Конечно, понимаю. И знаю, что сейчас перед вами маячит настоящая сенсация. Будь у вас под рукой интернет...

– Уже проверяла, – усмехнулась Наташа, – обстоятельства работают на вас. Но фотокамера есть, и Стасик ждет не дожидается момента, чтобы вас поймать.

– Не надо меня ловить, – произнес Сергей с улыбкой, в которой, однако, просвечивало предостережение. – Когда я сочту нужным, вы сможете меня снимать сколько вам вздумается.

– Ой, как много туману! И все-таки... где вы пропадали? И почему?

– Вы не поверите.

– Я попробую. Знаете, у меня бурная фантазия.

Они поднялись на пригорок. За поворотом дорога тянулась вдаль ровной белой лентой без конца и края. Глухой лесной коридор.

– Похоже, здесь самая высокая точка. – Сергей достал телефон, «разбудил» экран, поднял руку вверх.

– Мертвяк?

– Угу. Попробуйте свой.

Наташа попробовала, даже приподнялась на цыпочках. Ее гаджет показал тот же результат.

– Заколдованное место, – буркнул Сергей. – Что ж, Наталья, вы хотите знать, где я пропал? Скажу как есть, а вы уж сами решайте. Я был в другой стране.

Ростовцева замерла с приоткрытым ртом, в который только что хотела сунуть сигарету. Она не ожидала ответа, который своей глупостью и неуместностью мог соперничать со знаменитым «она утонула».

– Ну да, как же я не догадалась. Сошли с поезда где-то после Абдулино, чтобы пирожки купить, и оттуда рванули на такси до Лондона. Круто!

– Почти что так, даже с Абдулино и такси угадали, но Лондон здесь ни при чем. Поверьте, чтобы проснуться утром в другой стране, не обязательно накануне вечером покупать билет на трансатлантический авиарейс.

– Уж мне ли этого не знать. Но тумана меньше не стало.

– Да, пожалуй.

Сергей перестал улыбаться. Взгляд его прищуренных глаз блуждал по лесной чаще за спиной Наташи, но журналистка была так увлечена своими мыслями, что не обратила на это внимания.

– Вы не покупали билет на рейс и никуда не улетали. Иначе бы вас узнали и раструбили на весь свет. Вы просто исчезли! А сейчас... вдруг вернулись – с таким-то узнаваемым портретом!

– Вы преувеличиваете. Для большинства наших сограждан телевизор и реальность – два разных мира. Люди не смотрят по сторонам и не верят тому, что видят. Из всех пассажиров меня узнали только вы.

– Даже не я, а Стас. Слушайте, куда вы смотрите?

Он молча выбросил сигарету, взял девушку за плечи и аккуратно развернул спиной к себе.

– Вон туда.

– Не пойму, чего... Ох...

Далеко в глубине леса в частоколе «деревянных солдат Урфина Джюса» мелькнул огонек. Вспыхнул, погас, снова вспыхнул. Бледная точка света маячила между деревьями, будто кто-то блуждал по лесу с фонарем.

– Что это? – спросила Наташа. – Или кто?

– Пока не знаю. Похоже на азбуку морзе. Смотрите: точка-тире, точка-тире.

Сравнение было весьма точным. Далекий «фонарь» будто подавал знаки, при этом он медленно перемещался.

– Как далеко? – спросила Наташа.

– Сложно сказать. Думаю, не больше километра... а может, вообще рядом. Похоже на...

Он не успел закончить. Слева от первого огонька, визуально в тридцати-сорока градусах, вспыхнул второй – такого же размера и той же яркости. Обе светящиеся точки теперь двигались навстречу друг другу, подавая странные сигналы.

– На что похоже? – нервно сглотнув, спросила Наташа.

– «Собаку Баскервилей» помните? Родственник Бэрримора на болотах с фонарем.

– Беглый каторжник Селдон, – закончила журналистка, оборачиваясь к Сергею, чтобы вновь удостовериться: он смеется над ней или что?

Сергей не смеялся. Он сделал несколько шагов к обочине, остановился у снежной насыпи и вытащил телефон.

– Может, не стоит? Ну их нафиг! У меня мурашки по спине.

Он не ответил. Включил на телефоне фонарик и, подняв руку вверх, стал водить ею из стороны в сторону. Он тоже подавал сигналы.

Лесные огни замерли...

...и тут же одновременно погасли. Насовсем.

– Блин, идем отсюда! – воскликнула журналистка. Она была не робкого десятка, но любой из нас при появлении в ночном лесу огней святого Эльма запросто может наложить в штаны.

– Да, – согласился Сергей, убирая телефон.

Они торопливо зашагали вниз к автобусу, то и дело поглядывая в сторону чащобы. Светящиеся точки больше не появлялись, лес не подавал признаков жизни.

Где-то там. Люфт

Два дальнобойщика, которых коллеги иногда называли Лёлик и Болик, ели солянку в придорожном кафе на трассе недалеко от старинного южноуральского города Сатка. Точнее, Лёлик почти прикончил свою порцию и уже прицеливался к котлетам (в качестве аперитива юноша в одно горло употребил сто пятьдесят «Столичной», разбудив зверский аппетит), а его напарник вальяжно вылавливал ложкой оливки.

– Не торопись, чудо, – говорил седовласый Болик молодому коллеге, – подавишься, не дай бог.

– Да хрен там, – отмахивался Лелик. – Чего тут торчать, ехать надо. Время-то уж вон скока, а ты как в ресторане с крабами в твердом панцире.

– А ты поучи жену лобок брить, мелкий. За рулем-то мне сидеть. Когда решу, тогда и поедем. Сам-то тепленький уже.

– Я свои километры с утра отпил, имею право. Давай, здрав будь, боярин!

Лелик плеснул себе из графина водки на три пальца и залпом выпил. Болик укоризненно качнул головой.

Других посетителей в этой закуской, похожей на старую советскую столовую с колченогими столами-стульями и блеклыми шторами на окнах, почти не было – только пожилая семейная парочка в углу потягивала чай с булочками. Буфетчица в шапочке Санты скучала за стойкой, китайская елочная гирлянда, сброшенная по карнизам, переливалась огнями, игнорируя лампочки зеленого цвета, а в колонках музыкального центра стучало что-то тошно-творно жизненное из репертуара «Русского радио».

– Хорошо сидим, – сказал Лелик и впился зубами в котлету.

По паспорту его звали Леонид. Пару месяцев назад он вернулся из армии. Поступать в приличное учебное заведение он мог только следующим летом, а пока родной дядька по отцовской линии устроил его на свою автобазу, прикрепив к самому опытному водиле, чтобы, так сказать, человека из парня сделал, уму-разуму научил.

Самого опытного звали Борис Натанович. До пенсии мужику оставалось всего ничего. Дома у него имелись жена и взрослая дочь, сбежавшая с ребенком от мужа-алкоголика, собака лохматой породы по кличке Пыжик и сибирская кошка Васька. От длительных командировок Борис Натанович в последнее время отказывался, два-три дня в рейсе по соседним областям проведет – пару дней дома торчит с внуком, телевизором и наваристым борщом. Чего еще желать? Разве что от парня этого избавиться, который учиться уму-разуму не спешил, торчал в своем интернете, читал какую-то ересь, а потом всю дорогу старшего товарища лечил. В качестве напарника он не особо и нужен – расстояния-то небольшие – но директор базы настоял на своем. «Покатайся, – говорит, – а там поглядим. В зарплате не потеряешь, мамой клянусь».

Впрочем, чего ворчать, от работы Лёнька не отлынивал, в армии так руку набил на недоукомплектованных ЗИЛах, что иногда любо-дорого посмотреть, какие он по убитым русским дорогам фортеля выписывает.

Сегодня напарники возвращались в родной Чебаркуль из Уфы, где утром под завязку загрузились башкирскими молочными продуктами. Больше половины скинули по дороге в Симе, Усть-Катаве, Юрюзани и Сатке. Оставшееся везли теперь до базы, вышли на финишную прямую почти налегке. Вот только руль залюфтил напоследок. Дотянуть бы спокойно до Чебары, а там на праздники поставит Натанович свою старую «Сканию» мужикам в бокс, давно уж пора.

– Примешь капельку? – предложил Лёнька, шелкнув пальцем по полупустому графину.

– Я те приму, умник. Отработал – отдыхай. И не нарушай субординацию, а то я тебе такое резюме нарисую – на автодром в парке не возьмут.

Парень хмыкнул.

– Не пыли, дед! Субординация, придумал тоже. Мы, дальнобои, угнетаемые рыцари дорог, рабы руля и коробки передач, должны держаться вместе. Вот мы сейчас с тобой, понимаешь, тридцать первого декабря везем людям кефир и сметану, чтобы завтра им было чем похмелиться и дозаправить салаты. Мы с тобой служим большому делу, мчимся навстречу ветру и снегу, смахивая скупые мужские слезы, а денежки себе в карман положит буржуй-хозяин. А ты говоришь «субординация». Где справедливость?

– Ты закусывай, рыцарь, да отоспись как следует. Не дай бог остановят. Разрешил на свою голову.

– Праздник же, чо!

– Доливай – и хорош! Праздник...

Лёнька выпрямился, отдал честь. Остатки водки из графина молниеносно переместились в стакан.

– За дальнобойную революцию! Здрав будь, пролетарий!

– Буду, буду, – вздохнул седой напарник. – Пороть тебя некому.

Лёнька доел котлету, придвинул к себе стакан с компотом.

– А надо ли пороть, товарищ? Вот тебя, Натаныч, в детстве родители наверняка пороли. Слишком поздно вечером домой пришел, пальто испачкал, штаны на жопе разорвал, варежки соплями измазал – получи ремнем! Двойку за поведение из школы принес, математику не выучил, дневник потерял – схлопотал! За гаражами с сигаретой поймали – держи по первое число! И вот в итоге – чо?

– Начинается...

– А ты не ворчи и слушай, что поколение непоротое тебе говорит! Вот ты всю жизнь за баранкой, пол-страны объехал, людей повидал. И чо?

– Чо?

– Вот ты знаешь, например, что свиньи могут испытывать оргазм по сорок минут без перерыва?

Борис поперхнулся.

– А в Америке, например, – продолжал молодой, – каждый год из-за корявого почерка врачей умирает семь тысяч человек. Семь тысяч, Карл! Страшно представить, сколько умирает у нас. Вот я на прошлой неделе в поликлинику пошел – жопа что-то чесаться стала между булками, аж горит все...

– Э, люди обедают!

– Приятного аппетита. Это все от машины твоей. Предлагал я тебе седушку заменить? Предлагал! Из нее пружины торчат. Тебе-то чего, у тебя задница Терминатора, отцовским ремнем поротая, да еще столько лет за рулем, а у меня еще нежная, розовая. Короче, приперся я к терапевту, а там тетушка лет девяносто с фамилией такой... щас даже не вспомню, что-то вроде этого, как его, президента туркменского Курбанкулы Бердымухамедова. «Жопа, говорю, чешется, пропишите мази какой-нибудь, мне в рейс завтра ехать». Она давай в карточке моей рыться, читать, потом выписала мне кучу направлений на анализы, к хренологу какому-то...

– К проктологу, балда.

– Да, вроде он. Ну вот...

Лёнька помолчал, с тоской поглядел на пустой графин, обернулся к барной стойке, где буфетчица разглядывала свое отражение в карманном зеркальце.

– Губу закатай, – отрезал Натаныч.

– Злой ты.

– Справедливый. Что там у тебя в итоге?

– Проктолог – девочка молодая, только из института, ресницами хлоп-хлоп, щеки румяные. Анализы, спрашивает, сдали? А я, дурень, с утра навалил целую банку из-под корнишо-

нов, специально с вечера терпел, мучился, чтобы вхолостую не сходить и утром свежее принести. Поставил перед ней и говорю: вот, мол, от души, отборное, собранное с любовью, от нашего стола, так сказать, к вашему столу. А у нее глаза на шапочку полезли. Говорит, несите вниз, на первый этаж, там лаборатория...

– Твою мать, – простонал Борис, – ты дашь мне поесть?

– Это тебе месть за твою чрезмерную принципиальность. Короче, вышел я от этой девочки, отнес свое добро вниз, сдал. А в лаборатории тоже молодые все, улыбаются, только что чаю с печеньем попили. И тут такой я. Жуть... Знаешь, потом весь день думал: это ж как надо было в детстве с качелей наебнуться, чтобы после школы поступить на говноведческий факультет мединститута и всю жизнь ковыряться в наших банках из-под корнишонов?

– Есть такая работа – Родину любить. Тебе не понять, сынок.

– Куда мне! Я ж Днепрогэс не возводил, на БАМе яйца не морозил, целину не вспахивал. Я ж так, свиристелка.

– Вот именно. Ты в эту банку еще мамиными пирожками сходил. Вот дом свой построишь, детей родишь, а там уж и философствуй сколько влезет.

– А ты свой сам построил? Сколько лет в очереди стоял, пока этот двухкомнатный скворечник на тридцать метров не получил, в котором, кстати, до сих пор живешь? М?

Не дожидаясь ответа, Лёнька допил компот и вылез из-за стола, громко скрипнув ножками стула.

– Ладно, дед, не бери в голову. Пойду отолью и покурю. А ты не рассусоливай тут, гурман. Звякнув колокольчиком над дверью, молодой человек исчез во мгле.

– Раздолбай, – пробурчал Натаныч, приступая ко второму блюду. На кой ляд он разрешил ему замахнуть! Всю кабину сейчас провоняет.

Впрочем, в одном парень прав, надо ускориться. Им еще ехать и разгружаться, и только потом со спокойной совестью можно будет свалить домой на каникулы.

Да, не забыть еще мужиков предупредить насчет рулевого люфта. Пусть поковыряются.

20:23. Crazy

– Ну ты в натуре бессмертный, – рассмеялся Чонгук. Он только что выслушал рассказ друга о не самом приятном в его жизни знакомстве. – Забрал сигарету у самого Шуги, да ещё и жив остался. Дашь пару уроков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.